

Память о Второй мировой войне 60 лет спустя - Россия, Германия, Европа

Специальный выпуск журнала “Неприкосновенный запас”, который вы держите в руках, является уже вторым совместным проектом с берлинским ежемесячником “Osteuropa”. Над этим выпуском, выход которого приурочен к 60-й годовщине конца Второй мировой войны в Европе, редакции двух изданий работали в течение года. Как и в предыдущий раз, этот специальный выпуск выходит одновременно на русском и немецком языках.

Выпуская в свет этот номер, наша объединенная редакция не предлагает пересмотреть историю самой войны. Собранные нами статьи посвящены скорее послевоенной истории СССР/России, Германии и других европейских стран. Поэтому в первую очередь речь пойдет о сегодняшнем дне. О том, что сегодня, 60 лет спустя, осталось в памяти от того страшного времени. О том, как функционировала политика памяти в течение этих 60 лет. О том, как трансформировались объем, содержание и структуры памяти, как память становилась ареной политической борьбы и весомой ставкой в геополитической игре. О том, как отдельные фрагменты прошлого вытеснялись в глубь общественного и индивидуального сознания, а на их месте создавались “новые” воспоминания, как вытесненное вновь всплывало, и подчас в сильно преобразованном виде. О том, как прошлое живет в настоящем, отбрасывая свою тень в будущее. О том, как вытеснение из социальной памяти травматичных моментов прошлого соседствует с их продуктивной исторической проработкой. О коллективной памяти и об отношении людей к своему и чужому прошлому. О функциях памяти и о формах ее воплощения в литературе, кинематографе и музыкальных произведениях, монументальных мемориалах и архивах, устных и письменных свидетельствах, правительственных и неправительственных организациях и, наконец, в средствах массовой информации. О сегодняшних “войнах памяти”, разворачивающихся как между отдельными странами, так и между отдельными социальными группами.

Россия и Германия в отношении памяти о войне вписаны в разные контексты. В ФРГ тема памяти и отношения к прошлому уже не первое десятилетие находится в центре всех общественных дискуссий. Для ее обсуждения выработался особый словарь. Каждый год выпускаются сборники и монографии, посвященные этой теме, память о войне становится предметом выставок и документальных фильмов. Кроме того, Германия включена в общемировой процесс смены историцистского подхода к прошлому - интересом к памяти и “наследию” (см. статью Пьера Нора в этом номере), а также в общий обмен символов памяти (см. статью Андреаса Лангеноля). В сегодняшней Германии историк, занимающийся XX веком, имеет больше шансов на получение профессуры, если он исследует память о прошлом, а не пишет о том, “как было на самом деле”. На право голоса в хоре воспоминаний претендуют самые различные общественные группы - от бывших узников концлагерей до немцев, изгнанных после войны из Восточной Европы.

В России этот процесс только начинается, она еще очень слабо участвует в интернационализации памяти. (Необходимостью воссоздать этот контекст и

объясняется преобладание в нашем выпуске отечественного материала.) Память о Великой Отечественной войне еще редко осознается как вопрос, не совпадающий с изучением истории войны и признанием ее “государственного значения”. Предлагаемые историками новые трактовки военной истории зачастую воспринимаются как “осквернение памяти”.

В науке и в интеллектуальной среде интерес к этой теме возрос в самые последние годы и даже месяцы: многие журналы посвятили или собираются посвятить ей специальные выпуски, развиваются проекты по исследованию устной истории и исторической памяти поколения нынешних школьников. Однако многие группы жертв и участников войны так и не обрели права на свой собственный голос - или стали приобретать это право только тогда, когда уже мало кто из них мог им воспользоваться. Инвалиды, оstarбайтеры, жители оккупированных районов, немногие из уцелевших в лагерях уничтожения и доживших до наших дней евреев и узников других национальностей - их память и память о них по-прежнему находятся на периферии общественного представления о войне. До сих пор не погребены тела сотен тысяч павших солдат. Но главное – голос воевавшего народа, голоса ветеранов войны по-прежнему узурпирует верховная власть. На создание виртуальной реальности “нашего славного боевого прошлого”, к которой и будут апеллировать готовящиеся празднества по случаю 60-летия Победы, тратятся средства, несопоставимые с теми, что идут на повседневные нужды победивших ветеранов. Сегодня, так же как и в советское время, память о войне скорее служит легитимации политического режима, нежели имеет непосредственное отношение к самой войне. Контроль над прошлым оказывается необходимым условием контроля над настоящим.

В Германии процесс осознания своей вины за преступления проходил далеко не так гладко, как это часто представляют, и до сих пор не завершен. Десятилетиями из общественного сознания вытеснялась тема Холокоста - уничтожения нацистами евреев Европы, половина из которых были советскими гражданами. Только совсем недавно рухнул миф о “чистоте” германской армии - гитлеровском вермахте, ставшем не только слепым орудием, но и сознательным субъектом “войны на уничтожение” на Восточном фронте.

Тем, кто не устает напоминать о чудовищных преступлениях нацистского режима, противостоят те, кто желает “нормализовать” немецкую историю и приглушить разговоры о коллективной ответственности, подчеркивая то обстоятельство, что “и немцы были жертвами”. В ходе дискуссий о бомбежках немецких городов союзнической авиацией стало ясно, что нацистские преступления занимают в семейной памяти немцев гораздо меньшую роль, чем собственные страдания в последние военные и первые послевоенные годы. Объединением Германии и экономическим кризисом воспользовались неонацисты и национал-популисты, укрепившие свои организационные структуры, в первую очередь, на востоке страны. Тем не менее сегодня в Германии ни официальные лица, ни сколь-нибудь влиятельные общественные группы уже не пытаются отрицать особую вину гитлеровского режима и всех институтов национал-социалистического государства. Никому и в голову не придет вести разговор о прошлом с одной только восклицательно-победоносной интонацией.

Речь, конечно, не может идти о прямом сравнении памяти о Великой Отечественной войне в России с памятью о Второй мировой войне и Холокосте в Германии или об извлечении каких-либо прямых и общеобязательных уроков из истории послевоенной Германии. Никто и ничто не отменит исторические факты: чудовищная война 1939-1945 годов была развязана гитлеровской Германией, а Советскому Союзу принадлежит главная заслуга в победе над национал-социализмом. Тем не менее и в России есть свое непроработанное и в этом смысле непережитое и незажившее военное прошлое.

В преддверии юбилея было прекращено расследование расстрела польских офицеров в Катыни. Пакт между Гитлером и Сталиным “выпал” из памяти общества так же, как и террор, проводившийся советскими оккупационными властями на аннексированных территориях в Восточной Европе. Забыты советские военнопленные - жертвы двух диктатур, “освобожденные” из гитлеровских лагерей для того, чтобы мгновенно оказаться в сталинских. Забыт, наконец, тот режим несвободы, который был установлен в результате победы над Германией в оккупированных советскими войсками странах Восточной Европы, что по-прежнему осложняет сближение между Россией и странами бывшего “соцлагеря”.

Чтобы стереть белые пятна на карте памяти и заново обдумать свое отношение к прошлому, имеет смысл прислушаться к другому - не важно, бывшему противнику или союзнику. Вторая мировая война стала определяющим событием в истории Европы XX века. Чтобы залечить нанесенные ею раны, необходим общеевропейский обмен между существующими традициями памяти. Мы надеемся, что этот совместный выпуск станет нашей репликой в таком диалоге.

Фолькер Вайксель,

Михаил Габович,

Манфред Заппер,

Антон Золотов,

Илья Калинин,

Ирина Прохорова